

Г. Кок

**История знаменитых
куртизанок**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-993
ББК 84-4
Г11

Г11 **Г. Кок**
История знаменитых куртизанок: Часть 2 / Г. Кок – М.: Книга по Требованию,
2013. – 719 с.

ISBN 978-5-458-08767-4

Перевод с французского, дополненный примечаниями переводчика.

ISBN 978-5-458-08767-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изабелла отошла. Приблизилась Катарина.

— Конюшій графа Даммартена, сказала она, — расска-
заль мнѣ рецептъ, чтобъ сдѣлаться хорошей куртизанкой.
Я могу его сказать....

— Говори.

— *Возмите*: три фунта безстыдства, самаго утончен-
наго, которое растетъ на скалѣ, называемой мѣднымъ
лбомъ; два фунта лицемѣрія; фунтъ, притворства; три
фунта лести, два фунта....

— Довольно! перебила Имперія, — твой рецептъ глупъ.
За Кариной послѣдовала Франсуаза.

— Госпожа конечно знаетъ, что я Бретонка. Въ нашей
сторонѣ много танцуютъ. Я могу для вашего развлеченія
протанцовать *branle gai*.

— Танцуй.

Бретонка, подражая своему національному инструменту,
начала играть на губахъ и заплясала.... Но столь же
несчастливая какъ пѣвица и раскащица, она должна была
остановиться, когда ей было сказано.

— Довольно!... Твой *branle gai* печаленъ.

Всѣ три прислужницы снова стали статуями.

— Отыщите мнѣ книгу, приказала Имперія.

— Какую, госпожа?

— *Сто балладъ или Дамскаго Кавалера.... Нѣтъ!...*
Я предпочитаю *Берту съ большими ногами* или скорѣе
Часовню невинности. Ахъ! да принесите мнѣ первое, что
попадется вамъ подъ руку. Право, несносно имѣть такихъ
глупцовъ своими служительницами! Я всѣхъ васъ прогоню.
Слышите.

Бѣдныя служанки бросились вонъ изъ ванной комнаты
и вскорѣ вернулись, неся каждая по совершенно новой
книгѣ, украшенной почти на каждой страницѣ полич-
пажемъ.

Имперія взяла случайно одинъ изъ трехъ волюмовъ. То была *Берта съ большими ногами*, одна изъ самыхъ пріятныхъ сказокъ.

Она прочла двѣ строчки и бросила книгу.

— Я все таки скучаю! вскричала она. — Выньте меня изъ ванны!...

Проговоривъ эти слова, она встала совершенно прямо. Въ то же время какой то крикъ раздался съ порога залы, дверь которой была оставлена служанками открытою. Кто это крикнулъ? Вы это сейчасъ узнаете.

Въ свитѣ Бордосскаго архіепископа, явившагося въ Констансъ по обязанности, былъ молодой человекъ, по имени Филиппъ де Мала, самый прелестный и самый любезный мужчина и самый недостойный священникъ. Вы можете прочесть объ этомъ у Тасса въ его *Освобожденномъ Іерусалимѣ*.

Но Филиппъ былъ еще цѣломудренъ.... Онъ еще не вкушалъ поцѣлуевъ, но онъ желалъ вкусить этой сладости. И особенно онъ желалъ вкусить ее отъ Имперіи, «самой знаменитой, самой любезной, самой восхитительной куртизанки во вселенной.» Такъ, по крайней мѣрѣ говорили въ то время.

А онъ не сомнѣвался ни въ чемъ. Ему еще не было семнадцати лѣтъ, —ему было простительно. Такъ какъ она была самой прелестной, то она и должна была научить его любить.

Такимъ образомъ, въ тотъ же вечеръ, въ тотъ же часъ, когда Имперія тосковала въ своей ваннѣ, Филиппъ Мала направлялся къ жилищу куртизанки.

Еще утромъ онъ освѣдомился о жилищѣ куртизанки у метръ дотеля монсеньора.

— Она должна жить въ самой лучшей улицѣ города?

— *Parbleu!* Конечно, Имперія живетъ на лучшей улицѣ города и въ лучшемъ домѣ!... для Имперіи не можетъ быть ничего лучшаго.

— Вы хаживали къ ней, Доминикъ?

— Десять разъ. Монсеньоръ часто посылаетъ ей рыбы и дичи.

— Это далеко?

— Нѣтъ. Напротивъ озера, около францисканскаго монастыря. Да какъ же я не ходилъ къ ней! Не я ли научилъ ея повара, какъ готовить *goen gel fisch!* Вы ихъ кушали мосье?

— Да! да! великолѣпны! А какъ называется улица?

— Какая улица!

— Гдѣ живетъ она,—т. е. Имперія?...

— Мескиршъ.... Да зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете. Ужъ не пришла ли вамъ мысль.... хо!... хо!... хо!... Вѣрьте мнѣ, выкиньте ее изъ головы. Скорѣе вы стащите луну съ неба, чѣмъ покорите сердце Имперіи. Она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя занимаются любовными нѣжностями. Чтобъ обольстить ее нужны брилльянты, золото, нужно богатство. И она такъ знаетъ толкъ въ драгоценностяхъ, что не разъ отказывалась отъ двадцати брилльянтовъ только потому, что на одномъ изъ нихъ было пятно. Имперіи, мосье Филиппъ, созданы не для молодыхъ, а для старыхъ дураковъ.

— Къ чему это длинное разсужденіе? съ оттѣнкомъ нетерпѣнія возразилъ Филиппъ. — Почему ты думаешь, что я хочу ухаживать за Имперіей? Я спрашивалъ тебя, гдѣ она живетъ изъ простаго любопытства.... Ты сказалъ мнѣ, ну и возвращайся къ своимъ *goen gel-fisch* и прощай!

То была ложь, которую произнесъ Филиппъ Мала, ложь—уеиленная гнѣвомъ. Но разъ сотворивъ грѣхъ, на полдороги не останавливаются. Ночью, когда полагали, что онъ спитъ въ своей комнатѣ, клеркъ выскочивъ изъ окна отеля своего господина, остановился въ улицѣ Мескиршъ, передъ домомъ Имперіи.

Прежде всего этотъ домъ представился ему не тѣмъ, чѣмъ онъ его воображалъ. По его мнѣнію домъ Имперіи долженъ былъ всю ночь, съ верху до низу, сіять огнями, въ немъ должны были раздаваться звуки музыки и пѣнія. Но, какъ жилище честнаго гражданина, домъ куртизанки въ этотъ поздній часъ покоился, въ глубокомъ снѣ. Только въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ.

— Это окно ея спальни! подумалъ клеркъ. — Она въ постели. Тѣмъ лучше, — взойдемъ!

Однако онъ не могъ войти прямо. Передъ дверью отеля ходилъ сторожъ съ алебардой на плечѣ.

— Куда идете? сердито спросилъ солдатъ, направляя свое оружіе противъ юноши.

— Бѣ Имперіи.

— Она сегодня не принимаетъ.

— Но я имѣю дѣло не до нея. Взгляните на меня: развѣ я могу быть принятъ Имперіей? Я хочу, другъ, говорить съ одной изъ ея служанокъ, моей двоюродной сестрой.

— А какъ зовутъ вашу сестру?

— Батариной.

Филиппъ отвѣтилъ не колеблясь, и его добрая звѣзда подсказала ему имя, которымъ дѣйствительно называлась одна изъ служанокъ куртизанки.

— Войдите! сказалъ солдатъ, отнимая свою алебарду.

Блеркъ бросился впередъ.

Въ концѣ корридора была лѣстница, которая вела въ первый этажъ, въ пріемныя комнаты, и во второй, въ

особенныя комнаты Имперіи. Когда онъ отыскалъ эту лѣстницу, когда онъ ступилъ на первую ступеньку, клеркъ необычайно обрадовался. Свѣтъ, который онъ замѣтилъ съ улицы, былъ во второмъ этажѣ. Ему слѣдовало взойти туда. «Смѣлость, смѣлость и смѣлость!» Эти слова — ключъ къ дверямъ любви.

Ванна, которую принимала Имперія, распространяла свой ароматъ по всѣмъ комнатамъ отеля.

— Гм! воскликнулъ Филиппъ, впивая этотъ восхитительный запахъ. — Она ложится спать какъ Венера на розахъ и ясминахъ.

Онъ прошелъ ступеней двадцать и достигъ первой площадки. Вдругъ шумъ поспѣшныхъ шаговъ раздался надъ его головой. То шли три служанки изъ комнаты, въ которой Имперія брала ванну, въ библіотеку. Изабелла несла свѣтильникъ. Клеркъ, прислонившись къ балюстрадѣ, видѣлъ какъ три женщины прошли подобно урагану, и поймалъ на лету слѣдующія фразы:

— Сегодня она довольно жестка!

— Какъ терновникъ.

— Бойся уколовь.

— О комъ онъ говорятъ? подумалъ Филиппъ. Могъ ли онъ предположить, что онъ сравниваютъ Венеру съ терновникомъ?

Служанки снова вернулись, каждая съ книгой. Но послѣдняя изъ нихъ, Изабелла, спѣша за своими товарками, позабыла запереть не только дверь передней, но даже и дверь самой залы. Лучъ свѣта, выходявшій изъ этой послѣдней, падалъ на лѣстницу. Руководимый какимъ-то предчувствіемъ, Филиппъ пошелъ на этотъ свѣтъ. Черезъ двѣ секунды онъ былъ въ передней, гдѣ, опершись на дверной косякъ, онъ глядѣлъ въ ванную. То было въ ту самую минуту, когда Имперія, пославъ за *Бертой* съ

большими ногами, вскричала, что она хочет спать и встала из ванны, чтобъ отнести ее въ постель.

Легче понять, чѣмъ описать то, что почувствовалъ клеркъ при видѣ этого тѣла, одареннаго всѣми совершенствами. Представьте себѣ искателя золота, только что пріѣхавшаго въ Калифорнію, который съ перваго раза нашелъ цѣлый кусокъ драгоцѣннаго металла... Не правда ли, онъ обезумѣетъ отъ радости? И въ этомъ безумствѣ, не заботясь о завистникахъ, онъ забудетъ о благоразуміи. Тоже случилось и съ Филиппомъ Мала при видѣ Имперіи, совершенно нагой. Онъ испустилъ крикъ величайшаго восторга. При этомъ крикѣ, испуганныя служанки вмѣсто того, чтобъ поспѣшно затворить двери, совсѣмъ растворили ихъ.

— Мушина! невольно воскликнули онѣ.

— Мушина! вскричала Имперія, снова погружаясь въ воду.

Клеркъ оставался неподвижнымъ и только проговорилъ:

— Какая жалость!

Имперія была по природѣ капризна, т. е. также способна сдѣлать доброе дѣло, какъ и злое, готова сказать да также какъ и нѣтъ, любить и ненавидѣть, броситься на шею, чтобъ поцѣловать или задушить. Въ первыя двѣ минуты, прошедшія за той секундой, когда она замѣтила Филиппа, видъ клерка не произвелъ на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Не то чтобы она повиновалась чувству оскорбленной стыдливости, — давно уже стыдливость и Имперія жили какъ кошка съ собакой, — но она считала въ высшей степени неприличнымъ и, слѣдовательно, достойнымъ самаго строгаго наказанія поступокъ мальчика, который, проникнувъ къ ней, даромъ наслаждался зрѣлищемъ, которое немногимъ доставалось видѣть за самую дорогую цѣну.

Однако она не сердилась. Лъвица не злится на червя.

— Кто ты? Какъ тебя зовутъ? шипящимъ голосомъ сказала она.

— Меня зовутъ Филиппъ Мала. Я секретарь монсеньора архіепископа бордосскаго.

— А! И это монсеньоръ архіепископъ посылаетъ тебя къ дамамъ по ночамъ, заставить ихъ въ ваннѣ?...

— О, нѣтъ! Я пришелъ самъ. Я любилъ васъ, еще не зная, и хотѣлъ видѣть. Теперь я васъ видѣлъ лучше.... о! гораздо лучше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться, и еще сильнѣе люблю васъ.

— Право?... Такъ ты не жалѣешь о томъ, что ты сдѣлалъ?...

— Жалѣть!... О, я жалѣю только о томъ, что не пришелъ раньше! Вы такъ прекрасны, и я такъ счастливъ близъ васъ!

По мѣръ того, какъ Филиппъ говорилъ лицо Имперіи изъ суроваго и строгаго становилось все болѣе и болѣе нѣжнымъ; на ея губахъ прежде сжатыхъ, въ ея глазахъ, прежде смотрѣвшихъ съ угрозою, теперь сіяла улыбка.

— А! сказала она такимъ голосомъ, который согласовался съ выраженіемъ ея фізіономіи, разсматривая черту за чертой прелестную голову клерка.—А! господинъ Филиппъ Мала, вы близъ меня счастливы!

— Какъ въ раю.

— А вы ужъ бывали въ немъ?

— Да, въ грезахъ, мечтая о васъ!

— Ну а еслибъ я разсердилась? Если для того, чтобъ наказать васъ за то, что вы выбрали такую странную минуту, чтобъ представится мнѣ я приказала бы моимъ стражамъ взять васъ!... Я имѣю право. Входить къ дамамъ ночью, подобно вору, запрещено закономъ. Тогда вы не столько бы любили меня, не правда ли?

— Когда бы я умеръ, конечно, я пересталъ бы васъ любить. Но пока бьется мое сердце, оно будетъ биться только для васъ.

— У васъ есть на все отвѣтъ. Хоть вы еще очень молоды, вы должно быть много учились, что такъ хорошо говорите.

— Много учился? О, нѣтъ! Только сегодня вечеромъ я въ первый разъ прочелъ самую лучшую книгу, которая можетъ существовать на землѣ.

— Какую книгу?

— Вани глаза.

— А что вы читаете въ нихъ? Что вы дерзкій и нескромный ребенокъ, котораго, если я не хочу велѣть взять, такъ все таки прогоню!...

Ребенокъ сдѣлалъ отрицательный знакъ.

— О, нѣтъ! возразилъ онъ.—Я не читалъ этого.

— Что же?

— Что вы хотите узнать, дѣйствительно ли въ такомъ маленькомъ тѣлѣ можетъ существовать такой великій огонь, и что ночь въ объятіяхъ клерка можетъ пройти также сладко и быстро, какъ въ объятіяхъ короля.

Пламенная краска покрыла щеки Имперіи.

— На самомъ дѣлѣ; ты демонъ, воскликнула она бросая въ лицо Филиппа нѣсколько капель ароматной воды.— Но пусть я буду проклята, а ты мнѣ нравишься, и то, что сказали тебѣ мои глаза, подтверждать тебѣ мои губы.... Ступай!... Изабелла, уведи его, пока я выйду изъ ванны. Вода холодна какъ ледъ. Ты будешь виновата въ томъ, что завтра я буду кашлять.

Филиппъ послѣдовалъ за Изабеллой въ комнату смѣжную со спальней Имперіи.

— Это все равно! прошептала на ухо клерка служанка прежде, чѣмъ возвратиться къ своимъ товаркамъ, чтобъ присутствовать при ночномъ туалетѣ госпожи. — Все равно,—вы можете похвастаться, что у васъ больше шансовъ, чѣмъ у другого мужчины. Я видѣла, какъ по приказанію госпожи убивали подъ окнами людей, которые не дѣлали и сотой доли того, что сдѣлали вы. Но не бѣгите! У васъ есть чванство.... Только если у васъ нѣтъ денегъ, берегите свою кожу!...

И она, смѣясь, убѣжала.

Филиппъ ждалъ около четверти часа, потомъ явилась таже служанка; чтобъ отвести его къ госпожѣ.

Та лежала на великолѣпной постели изъ дуба съ ин-структаціями изъ слоновой кости и золота, на которую всходили по пяти ступенькамъ, покрытымъ мягчайшимъ ковромъ. Какъ только Изабелла отвернулася, клеркъ скачкомъ очутился на пятой ступени у самаго изголовья. Но оттолкнувъ его руку, которая сжала ея руки, Имперія сказала:

— Та, та, та!... Поговоримъ сначала серьезно.

— Серьезно?... повторилъ Филиппъ. — О! къ чему?...

— Потому что я этого хочу, потому что это необходимо. Начнемъ. Вы мнѣ нравитесь, я сказала ужъ и не от-рекаюсь.... Я была одна и скучала.... вы пришли и останетесь—хорошо! Но вы мой милый, конечно знаете, что я живу любовью, какъ булочникъ своими хлѣбами. Любовь—мой товаръ. У каждого свое занятіе. Дѣло только въ томъ, чтобъ умѣть пользоваться. И такъ, вы по вашей молодости и особенно по вашей профессіи, занимаясь которой не куютъ денегъ, заплатите мнѣ не такъ какъ принцъ, не такъ какъ герцогъ, даже не такъ какъ графъ, а какъ баронъ.... ну что же вы мнѣ заплатите?

Филиппъ наклонилъ голову. Вопросъ, хотя и умѣстный, казался ему слишкомъ жестокимъ.

— Ну же? холодно спросила Имперія.

— У меня въ кошелькѣ есть четыре серебряныхъ экю, пробормоталъ онъ.

— Что вы сказали? сколько экю?

— Четыре.

— О! о! четыре!... ха! ха! ха? Но, мой милый другъ, я не продаю моихъ ночей дешевле ста золотыхъ экю, т. е. пятисотъ экю серебряныхъ.... У васъ только и есть чтобъ заплатить за четыре поцѣлуя, только за четыре маленькихъ поцѣлуя.... Ну, а если вы предпочтаете я вамъ дамъ взамѣнъ четырехъ маленькихъ одинъ большой.... Гдѣ ваши четыре экю!

Филиппъ вынулъ изъ кошелька четыре серебрянныхъ монеты и подалъ ихъ Имперіи, которая спрятала ихъ подъ подушки.

— Хорошо! сказала она. — Ну что вы хотите: четыре маленькихъ или одинъ большой?

Все болѣе и болѣе потрясенный сухимъ и рѣзкимъ тономъ куртизанки, клеркъ потерялся совершенно. Съ сердцемъ, переполненнымъ слезами, какъ у ребенка, котораго бранять, когда онъ думалъ, что его приласкаютъ онъ сидѣлъ съ опущенной головой.

— Ну же! ну! продолжала нетерпѣливо Имперія. — Поспѣшимъ!... Поздно! я хочу спать. Одинъ большой или четыре маленькихъ?

— Одинъ, но пусть онъ длится! вздохнулъ Филиппъ.

Имперія наклонилась къ нему. Еслибъ онъ не былъ такъ неопытенъ, то по той страстности, съ какой губы куртизанки прильнули къ его, онъ понялъ бы, что все это — шутка.... Но шутка, которую она имѣла мужество продолжать.... Она оттолкнула его.